

ИНСТИТУТ ЗА СРПСКОХРВАТСКИ ЈЕЗИК

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

ПОВРЕМЕНИ СПИС ЗА СЛОВЕНСКУ ФИЛОЛОГИЈУ И ЛИНГВИСТИКУ

Уређивачки одбор:

др Радосав Бошковић, др Ирена Грицакај, др Рудолф Коларич, Блаже Конески,
др Берислав Николић, др Миливој Пагловић, др Асим Пецо, др Миџар Пешикан,
др Михаило Стевановић

Главни уредник

М. СТЕВАНОВИЋ

књ. XXIX — св. 1—2

БЕОГРАД

1972

ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ДВУСТОРОННИМИ СИНТАКСИЧЕСКИМИ СВЯЗЯМИ¹

В грамматиках сербохорватского языка среди относительных придаточных наряду с теми, которые скрепляются с главными предложениями посредством относительных местоимений *који*, *што*, *какав*, *чији* и относительными наречиями *где*, *куд(а)*, *камо*, *ојкуд(а)*, *одакле*, *кад(а)*, обычно указываются придаточные, вводимые союзами *где*, *како*, *да*.²

Важнейшей особенностью сложных предложений с этими придаточными, кроме того что они имеют союзы *где*, *како*, *да*, является то, что субстантивный член, поясняемый придаточным, как правило, употреблен в винительном падеже и выполняет в составе главного предложения функцию дополнения: Чини му се види *је како* још плаче (М. Глишић. Приповетке, 216). В редких случаях, когда сказуемое главного предложения выражено глаголом с частицей *се*, субстантивное слово стоит в именительном падеже и является грамматическим подлежащим: При новом отсеу видео *се кочијаши како* стојећи у колима за теже дизгине (Д. Тосић. Далеко је сунце, 56).

В предложениях с безличными оборотами „*ево (ејшо, ено)* + местоимение или существительное“ субстантивное слово стоит в родительном падеже: Ето *лицие, ће* води страшнога бумбашира (В. Караџић. Народне приповетке, 144).

¹ В настоящем исследовании автор развивает результаты своих наблюдений в области синтаксиса сербохорватского языка, отчасти уже опубликованные ранее в статье: П. А. Дмитриев. Атрибутивные придаточные с союзами *где*, *како*, *да* в сербохорватском языке. В сб.: Славянская филология. Изд. ЛГУ, 1964 г., стр. 61—69.

² См., например: Т. Maretić. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1963, стр. 510; М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик. II. Синтакса. Београд, 1969, стр. 828—830.

Грамматики отмечают, что параллельно с местоимениями *који* и *што* в относительных придаточных кроме союзов *где*, *како*, *да* может употребляться и союз *ше*. Действительно, этот союз встречаем у Вука Караджича и у некоторых других

Специфической особенностью структуры этих предложений является также то, что она характеризуется определенной лексической связанностью³, предписывая включение в состав главной части определенных знаменательных слов: в качестве сказуемого главного предложения выступают только глаголы со значением восприятия. Круг их ограничен: *гледајми, погледајми, угледајми, видејми, посмајрајми, чујми, слушајми, сресјми, зајдећи, наћи* и т. п. Некоторые из них могут употребляться с частицей *се* (*чујми се, указајми се* и др.). Реже встречаются глаголы с иным значением, но в сочетании с другими словами в предложении они в конечном счете имеют значение восприятия, например: *И затим му љадоше у очи* (бросились в глаза) широка Николина леђа, у сукнену јелеку, како су необично отскочила од земље (С. Ранковић. Сабрана дела. I, 139); *Свађа љоглед* (обращает взор; смотрит) на суседа Руса, где мирно почива озарена лица (А. Крстић, Трајан, 488). *И изиђе му љред очи* (встала перед его глазами) свађа на првен крст како плива у сузама па бео плакат са прогласом на народ (И. Андрић. Одабране приповетке, 267).

Значение восприятия может быть выражено оборотом, образованным сочетанием указательной частицы *ево* (*ејшо, ено*) с родительным или именительным падежом имени существительного или местоимения: *Ејшо их, где* долазе (И. Ђипико. За кружом, 216). *Ево баба ље* је измакла и сад ће бити ту (В. Карадић. Народне приповетке, 224).

Таким образом, употребление придаточных, вводимых словами, *где, како, да*, ограничено рядом специфических условий. Незначительное число глаголов, при которых возможно их употребление, позволяет сделать вывод, что в общей массе придаточных эти предложения занимают относительно небольшое место.

Употребление придаточных с *где* характерно для народных сказок и песен, записанных Вуком Караджичем. Например:

писателей. Мы не будем останавливаться на предложениях с союзом *ље*, т. к. они отличаются по своей структуре от рассматриваемых нами предложений с союзами *где, како, да*. Кроме того, употребление их не свойственно современному литературному языку; Т. Маретич (стр. 510) указывал, что такие предложения употребляются не у всех писателей; к такому же выводу приходит М. Стеванович (стр. 829), отмечающий, что употребление присубстантивных придаточных с союзом *ље* более свойственно старым писателям и чаще встречается у писателей из юго-западных областей, причем они являются в некотором смысле архаичными и имеют диалектный характер.

³ О сложных предложениях, имеющих ограничения лексического состава, см.: В. А. Белошанкова. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, стр. 54

Али он, кад види *мајку где* плаче, навали још већма и стане је заклинаџи да му каже што је (В. Караџић. Народне приповетке, 27). Пошто једва једанпут напита, дође пред дворе и опази наврх двора *зеца где* стоји (Там же, 33). Идући тако, нађе у пољу једнога *чојека ње* је упрегао у ралицу два вола те оре и дошавши к њему, запита га еда ли има шго за јело (Там же, 9). Из свијета сrete *ћирције / И пред њима ћирцију Рада, / ње* ћерају шездесет то-варах (В. Караџић. Српске народне пјесме. II, 22).

Представлены они и в осуществленном Вуком Караджичем переводе „Нового завета“. Например:

И дошавши Исус у дом Петров видје *ташију* његову *где* лежи и грозница је тресе (В. Караџић. Нови завјет, 17). И одлазећи Исус оданде видје *чојека где* сједи на царини, по имену Матеја, и рече му: хајде за мном (Там же, 14). И указа им се *Илија с Мојсијем где* се разговараху с Исусом (Там же, 73).

Однако в оригинальных произведениях Вук Караджич использует такие придаточные предложения редко, как правило, в тех случаях, когда передает чужую речь:

Четврти казује и приповиједа, како је виђео *Ђурчију* и остале *арамбаше* и *поглавице ње* лете на бијелим атовима... (В. Караџић. Даница, 1828, 173). Сутрадан испред подне ја изиђем пред манастир и ондје станем с неким, у томе он отворивши прозор промоли главу из собе и смијешећи се запита ме, шта оно ја кажем да чине хајдуци, кад чују, *кукавицу где* кука (В. Караџић. Скупљени граматички и полемички списи. III, 119).

Союз *где* для связи главного и присубстантивного предложений употребляется у писателей и после Вука Караджича. Например:

Кад изиђем из кола, видим *двојицу где* се туку пред вратима Полиције (Р. Домановић. Страдија, 40). Затекао сам *га где* лежи на миндерлуку босоног, распасан, раздрљен (С. Ђоровић. Јарани, 177). Иво *га* угледа, *где* силази низбрдицом, једнако журно премећући кратке ноге (И. Ђипико. За крухом, 31). Затече *Маију где* седи на некој главчини, поднимио се на руку и ћути, и не чу кад му Нешо назва „добро јутро“ (М. Глишић. Приповетке, 175). Слушам вику *другова, где* ме зову да идемо на реку и сечемо зелене врбе (Б. Станковић. Изабране приповетке, 41).

Используются придаточные с союзом *где* и современными писателями (как сербскими, так и хорватскими):

И сада, кад слуша ове *људе*, *гдје* се о женама разговарају, њега опет стеже нешто у грлу, њега боли за принцесом (М. Крлежа. Хрватски бог Марс, 327). Али сам чуо *људе*, *гдје* говоре (Там же, стр. 363). Одвикли од устрајна темелита рада ратници истерују бразду до краја њиве, а онда стану и опет, зачас, ево *их* *гдје* се препиру и гранају рукама (Б. Ђопић. Крава с дрвеном ногом, 26). По селу се поче причати како су *Ницу* видјели *гдје* метанише под оном крушком на простртом кожуху... (Там же, 155). Већ сутрадан је угледао *Венецијанку* *гдје* улази с пратњом у одају (И. Андрић. Љубав у касоби, 261). Видео је *Ђоркана* *где* лежи на зиду... (Там же, 143).

В приведенных выше примерах придаточные с *где* поясняют одушевленное имя существительное. Предложения, поясняющие неодушевленные существительные, употребляются реже. Приводим встретившиеся нам примеры. У Вука Караджича:

И тако путујући, наиђе на велике вратнице; и прошавши их, одмах узме десно, и тако око подне угледа *град* *где* се бели, и врло се обрадује (В. Караџић. Народне приповетке, 21). Једно вече стојећи он са женом својом на прозору, угледа недалеко од куће некакву велику *гору* *ђе* сва у великоме пламену пламти, па упита жену што је оно... (Там же, 99). У граду цар и његов доглавник с царевих пенцера угледају галију *где* иде... (Там же, 61) ... видео сам велики *казан* *где* кључа, и у њему главе мртвачке, а одозго их орлови чупају (Там же, 76).

В произведениях писателей XIX—XX вв.:

Он слуша песму, чује сребрни *глас* Калинина, *где* пева (С. Сремац. Поп Ђира и поп Спира, 24). А после чух његов тужан *глас*, *где* ми у звуцима приповеда несрећу која се догодила (Ђ. Јакшић. Приповетке, 106) — Ено мотике — викну пандур угледавши *држалицу* *где* вири из корова (С. Ранковић. Горски цар. 28). Стоји дакле дјечачић пред зеленим сукном и гледа *йламичке* воштаница, *гдје* палуцају немирно, и оне мале свињске *очи* президентове, *гдје* се кријесе, и сви чекају, да он, Кадавер, министрант, избаци једну важну ријеч, да или не: али он шути, шути, страх га је, и гуши га, и не може да вели ни да ни не! (М. Крлежа. Хрватски бог Марс, 354). А филистри би дигли главе испод поплуна, па у полусну слушали *шутан* хитаца, *гдје* негдје далеко вани одјекује и онда би се опет покрили преко главе (Там же, 246).

Использование союза *како* для присоединения присубстантивных придаточных в сказках и народных песнях встречаем реже, чем *где*:

Кад то види царска кћер, онда замоли свог оца да оног *роба*, којег је прије три године дао затворити и којег она кроз дувар опажа *како* дише и дуваре креће, изведе, и да огледа његово јунаштво (В. Караџић. Народне приповетке, 221). Младић стојећи онђе, досади му се чекати, те почне там'амо кроз гору шетати се, док набаса на некакво коло крилатијех ђевојака, па се прикри да *их* гледа и слуша *како* пјевају али његовом несрећом опази га коловођица, те га очима затрави и у они час остаде нијем и слијеп (Там же, 180). Гледајући Богданову *љубу*, / *Како* му је танка и висока (В. Караџић. Српске народне пјесме. I, 548). Него виђи црна *Нарайина* / *Како* паде на жива Војина (В. Караџић. Српске народне пјесме. III, 214).

Реже прибегаєт к ним Вук Караџич и в переводе „Нового завета“:

Погледајте на *љљане* у пољу *како* расту; не труде се нити преду (В. Караџић. Нови завјет, 13). И приступи један од књижевника који *их* слушаше *како* се препиру и видје да им добро одговара, и запита га: која је прва заповијест од свију? (Там же, 113).

В произведениях сербских и хорватских писателей после Вука Караџича придаточные с союзом *како* употребляются чаще. Например:

У соби затекоше *јрошу како* у мраку скида са зида дугачку пушку (И. Андрић. Љубав у касабџи, 101). Па ипак, већ минут доцније ухвати саму *себе како* опет замишља своје бекство до у ситнице (Там же, 332). Кад су сутрадан посматрали мутну, запешену *воду како* дере улицама у висини кровова на кућама, погађали чија кућа још стоји усправно (И. Андрић. На Дрини ћуприја, 83). Кад би *је* сусрели гдјегод на путу *како* марљиво пребире ногама и запрастаје за старцем, поздрављали су је срдачније него и самог њезина газду (Б. Ђопић. Крава с дрвеном ногом, 96). Ми, дјеца, приблијени једно уз друго, ћутећи смо *га* пратили очима *како* све више одмиче и гњура се у велику, тајанствену и свеобухватну ноћ, док је за њим, вјерна и скромна, марљиво пребирала куја (Там же, 118). Види *га како* ми је порастао, *како* је збојит и једар, прави ђед! (Б. Ђопић. Пролом, 26). Слуша Јока *људе како* се свађају и бију, и играју му живци, те оклијева, би ли почео операцију око тог медаљона или би то ипак оставио за сутра (М. Крлежа, Хрватски бог Марс, 354). Гледајте само *црнца, како* је страхан! (Там же,

359). Гледао сам неко вријеме *Маријана* и *оца* му како раде, али им се не јавих, да их не бих ометао у послу (Ј. Галић, Непокорено село, 56). Угледах *га* како мирно спава као јање, а затим га, тужна ја, гурнух и полако зовнух (Там же, 102). Уловила *га* је како непримјетно, врхом чизме равна ресе на тепиху (Ж. Јеличић, Млака кожа, 25). Видео је *човјека*, како задиже skut капута и спрема кутију цигарета у џеп (Там же, 103).

В конструкцијах⁴ с *како* более часто встречаем в качестве substantiveго слова неодушевленные имена существительные. В этом нетрудно убедиться из приводимых ниже примеров:

Лепо видиш *дојке* како опире у кошуљу (Ј. Веселиновић, Сельанка, 20). Из топла перјана кревета слушају задовољни укућани тактање дуварског сахата, *кишу* како лупа у прозоре, и *вештар* како звијди, како тресе прозоре... (С. Сремац, Поп Ћира и поп Спира, 181) ... говораше гледајући у њене *јрсше*, како брзо трајау дозрело воће (И. Ћипико, За крухом, 59). Ловрек је осјећао мокро *рухо* и *рубенину* како му се лијепи за кожу, а очи су му биле попрскане сивом смјесом гњиле зеленкасте балаве маховине и руке кржаве од Трдакове крви (М. Крлежа, Хрватски бог Марс, 38). Чули се водени *мјехурићи* како клокоћу у блату: клок, клок (Там же, 34). У једва замјетљивим обрисима видјеле се сиве *мрље*, како се гibaју амо тамо, трче и развијају ројне пруге па врлудају као без циља и смисла (Там же, 47). У свом гњеву и жару загледах лицем у лице с невидљивим противником, он није могао опазити, на окрајку бедема, ситно дечје *лице* како га посматра очима укоченим од чуда и ужаса (И. Андрић, Љубав у касаби, 151). И сав свет с неверицом и чуђењем посматра те црвене и зелене *свештаце* како се распрскавају испод летњег неба, како се осипају и падају као светле капље, и како после њих настаје још гушћа тама, у којој трепћу звезде и пламти стално Јакшина ватра у брдима (Там же, 103). Чује се негдје преко шумице недалеко од нас, *звоно* сеоске цркве, како оглашава „Здраво Марија“ (Ј. Галић, Непокорено село, 17). Чујем бат *цокула* како иду уз степенице (Там же, 102).

Союз *да* в сложных предложениях рассматриваемой структуры используется еще реже. Судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, придаточные с союзом *да* чаще поясняют одушевленные имена существительные. Например:

⁴ Слово конструкција употребљам как синоним слова предложение.

Гледајући тако дуго, опази ватру *да* се сјаји, па му се учини то близу, скине се са дрвета, па пође да ватру донесе и код браће наложи (В. Караџић. Народне приповетке, 156). А дошавши на Исуса, кад *га* видјеше *да* је већ умро, не пребише му голијени (В. Караџић. Нови завјет, 267). И сад ће поп Вујица, кад чује зими какву *јејину да* буче уздахнути и погледати у онај крај своје собе где је уговарао да намести ону учитељево (М. Глишић. Приповетке, 35). Гле *Панџа* купио рибу — рече нагло Мита кад угледа *овога да* прође улицом носећи једног шарана (Р. Домановић. Приповетке. I, 18). Зави за дрво Ђуров деда, скокну лако, горштакчи, ко што је знао запасти за камен, кад угледа *дивокозу да* иде с поља (М. Живанчевић. Ђукова воденица, 138). Ту затече *два одборника да* бојажљиво иза врата вире на мотор као на звијер у крлечи (Сувремена југославенска новела, 164).

Союзы *где, како, да, как* и относительные наречия, не имеют никаких средств формального выражения связи с главным и придаточным предложениями и являются лишь показателями логико-грамматических отношений между ними. В большинстве случаев придаточные, вводимые союзами *где, како, да*, сообщают о действии или состоянии поясняемого предмета. В таких предложениях смысловая связь главного и придаточного часто подкрепляется согласованием сказуемого придаточного в лице (иногда в роде) и числе с поясняемым субстантивом (или местоимением) главного предложения. Например:

Она погледа *Калину*, како је *срећна и блажена* (С. Сремац. Поп Ђира и поп Спира, 59). Слушао је тога *гада*, како се безобразно *свађа* (М. Крлежа. Новеле, 265). Чуо је старога *Тучека* гдје *вели*, да је дао три форинта за глобус (Там же, 184). А ја сам *их* нашао где *јасу* (И. Ђипико. За крухом, 54). Кад видјеше *Марију* да брзо *устиа* и *изиђе* пођоше за њом говорећи да иде на гроб да плаче онамо (В. Караџић Нови завјет, 244).

В народных песнях отмечены случаи, когда союз употребляется в сочетании с именительным падежом местоимения:

Ал' ето ти Хасан-паше с војском / *Ђе он* води дван'ест хиљад војске... (В. Караџић. Српске народне пјесме. III, 54). Ал' ето ти Љутице Богдана / *Ђе он* гони Рељу и Милоша / Обојици савезао руке (В. Караџић. Српске народне пјесме. II, 141).

В современном литературном языке такие предложения не употребляются.

В придаточных предложениях, сообщающих о действиях, объектом которых является поясняемое слово, т. е. где союз по своей функции

соответствует функции относительного *који* в косвенном падеже, при союзе возможно употребление косвенного падежа личного местоимения (с предлогом или без предлога). Личное местоимение согласуется в роде и в числе с поясняемым словом, а падеж его определяется структурой придаточного предложения:

Ту нађоше једну невјестицу, / *ће јој* горе и ноге и руке, / А пропа јој језик проз вилице (В. Караџић. Српске народне пјесме. II, 14). Угледаше проклето Лијевно, / *Гдје у њему* бијели се кула. / Тад говори стари Вујадине: / „А синови, моји соколови! / Видите ли проклето *Лијевно*, / *Гдје у њему* бијели се кула? (В. Караџић. Српске народне пјесме. III, 236).

Однако союзы *где, како, да* редко оказываются в такой семантической ситуации, когда необходимо их употребление вместе с формами личных местоимений. В произведениях писателей XIX и XX века такие конструкции единичны:

И као у даљини видех пешеве од Ђорђевог капута, *како их* носи ветар (Л. Лазаревић. Приповетке. II, 120). Тромо, лагано, чисто ти се чини да видиш незграпне ножурде, *како их* грозном натегом из дебелого блата извлачи (Ђ. Јакшић. Приповетке, 165). Све се то на дому Лоборца Штефа срушило, те да се он којим случајем вратио, био би нашао своју жену гдје онесвијештена лежи у граби и *гдје* се сеоска дјечурлија набацује *на њу* камењем (М. Крлежа. Хрватски бог Марс, 43).

Обычными являются конструкции, в которых *где, како, да*, связывая главное и придаточное предложения, употребляются без падежных форм личных местоимений.

Вопрос о значении придаточных с союзами *где, како, да* в сербохорватском языке до настоящего времени не получил, как нам кажется, всесторонней и детальной разработки и однозначного решения.⁵

Наличие в их значении атрибутивной семантики не вызывает ни у кого сомнения. В старых грамматиках (Т. Маретич и др.) не отмечалось никакой разницы в значении этих придаточных и присубстантивных придаточных с относительным *који*. Однако более внимательное исследование сущности их приводит современных исследователей к выводу о том, что полного тождества между значениями присубстантив-

⁵ Ср. замечание З. Деросси о недостаточной разработанности вопроса о значении предложений этого вида в грамматиках (Zlata Derossi. Odnos izmedju atributivnih rečenica i imenica u glavnoj rečenici. Jezik. 1966/67, № 1, стр. 12):

ных придаточных с *који* и придаточных с *где, како, да*, относящихся к дополнению при глаголах восприятия в главном предложении, нет. М. Стеванович⁶, больше других ученых занимавшийся изучением этого вопроса, установил, что эти придаточные кроме атрибутивного характеризуются и другими синтаксическими значениями. Использование для сцепления главной и придаточной частей слова *где*, по мнению М. Стевановича⁷, вносит в такие предложения нюанс пространственного значения, показывая, что признак, о котором говорится в придаточном, формально связан с определенным местом. В качестве типичного примера таких предложений он приводит пример из Ст. Любиши (рассказ „Крађа и прекрађа звона“):

Гледају пред собом пространо Љешкополе *гдје* су га ошапила села, торови и колибе; чују псе *гдје* око торина лају; чују челяд *гдје* по гумнима жито вршу и вију, *гдје* једно друго дозивље и разговоре воде.

Отмечая, что в начале каждого придаточного предложения можно бы было вместо *где* употребить *који* (а это свидетельствует о том, что все эти предложения с *где* являются относительными придаточными), М. Стеванович подчеркивает, что они в то же время являются и придаточными места. „Но и местный характер значения этих предложений, — пишет он, — в приведенном примере чувствуется ясно. Говорящий хочет сказать не только о том, что видит Лешкополе, которое охватили села, но и о том, что видит именно там, где его охватили села; не только хочет сказать, что слышит лающих псов, но и то, что слышит, где они лают; точно так же как хочет сообщить не только то, что слышит челядь, которая на гумнах жито молотит, но и — где их слышит и т. д. Из этого нам ясно, почему такие предложения являются очевидно местными и в то же время относительными, точнее — преимущественно относительными предложениями, связанными с главным с помощью союза — наречия *где*“.⁸

Сделанный М. Стевановичем анализ приведенного им примера несомненно и бесспорно вскрывает наличие в придаточных предложениях, вводимых словом *где*, и атрибутивной и пространственной семантики. Наличие пространственной семантики в таких предложениях зависит от того, что по замыслу автора (говорящего) является логичес-

⁶ М. Стевановић. Напоредна употреба заменице који и односких свезица: да, где, како, те и што. Наш језик. Год. VI, св. 7-8. Београд, 1938, стр. 202—210.

⁷ М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик. II. Синтакса, стр. 830.

⁸ М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик. II. Синтакса, стр. 830.

ким центром сообщения, содержащегося в придаточном. Если он ставит целью подчеркнуть, сделать актуальной пространственную характеристику действия, он использует для связи предложения наречие *где*, которое вступая в синтаксические отношения с другими членами придаточного предложения создает основу для возникновения пространственного оттенка значения. Актуализация пространственной характеристики может быть усилена использованием в составе сложного предложения других обстоятельств места.

Оттенок пространственного значения наиболее четко проявляется в тех случаях, когда главное предложение имеет в своем составе обстоятельство места и устанавливается семантическое соответствие между этим обстоятельством места и словом *где* (в примере М. Стевановича: Гледају *й*ред собом Љешкополе *где* су га ошاپила села...). Обстоятельство места, выраженное субстантивом или наречием, может быть воспринято как характеристика места действия сказуемого не только главного, но и придаточного предложения, семантическое соответствие подкрепляется и синтаксическими пространственными отношениями. Например:

Човјек запали лулу у сумрак и гледа жуте очи маје у волској пари у *шћали*, *где* блистају као кријеснице (М. Крлежа. Хрватски бог Марс, стр. 12).

В приведенном примере обстоятельство места у *шћали* можно рассматривать как характеристику места действия сказуемого и главного (гледа жуте очи где? — у шћали) и придаточного (блистају као кријеснице где? — у шћали) предложения. На основе синтаксических пространственных отношений между сказуемым придаточного предложения и обстоятельством места главного возникает пространственная семантика самого придаточного предложения. Слово *где* воспринимается заместителем сочетания у *шћали* в составе придаточного (*где* = у *шћали*).

Такое же толкование допускают и следующие примеры:

Види кроз прозор на *ораницама* много низова црних жена, *гдје* (гдје = на *ораницама*) ору (М. Крлежа. Хрватски бог Марс, 25). Тако су га нашли другога јутра у *сјенику гдје* (гдје = у *сјенику*) виси на дебелој греди (Там же, 27). Шкрипнула су негдје немазана кућна врата, и чуо се глас жене *йри ходнику, гдје* (гдје = при *ходнику*) виче нешто у двориште, а лице јој је поливено руменилом ватре (Там же, 120).

При таком понимании этих предложений в состав главной части можно ввести (как это и делает М. Стеванович) указательное наречие *шћамо* (у шћали, тамо, где...; ... на *ораницама*, тамо, где ... и т. д.), что

усилит пространственное значение придаточного. Введение указательного (соотносительного) наречия приводит к изменению смысла предложения и к утрате атрибутивного значения; конструкция с соотносительным наречием будет относиться уже к другому типу — к типу сложных предложений с придаточным места. Введение его в данном случае используется нами не для того, чтобы показать взаимозаменяемость таких предложений (она, строго говоря, невозможна, т. к. значения этих предложений не тождественны), а в диагностических целях, чтобы проиллюстрировать наличие в придаточной части пространственного значения.

В отличие от придаточных места, характеризующих место действия, выраженного сказуемым главного предложения, рассматриваемые нами придаточные могут содержать пространственную характеристику только действия, выраженного сказуемым придаточного предложения. Оттенок пространственного значения этих придаточных возникает не на основе синтаксических отношений между главным и придаточным предложениями или их компонентами, а на основе синтаксических отношений внутри самого придаточного.

Актуализация пространственной характеристики может быть усилена употреблением обстоятельства места в составе придаточного (в примере М. Стевановича: чују псе *где око шорина* лају). В таких конструкциях оттенок местного значения также возникает на основе отношений, имеющих место только в самом придаточном.

— Колона десно, — чуо је господин поручник Кукољ господина сатника *где* виче *негде далеко* и нешто је прогунђао у жучљивом мамурлуку (М. Крлежа, Хрватски бог Марс, 72).

Придаточное предложение имеет в своем составе обстоятельство, характеризующее место действия глагольного сказуемого. Устанавливается семантическая соотнесенность *где* и обстоятельства места, эта соотнесенность способствует тому, что *где* само сохраняет лексическое пространственное значение и функцию обстоятельства места.

Другие примеры:

Гледа дакле господин сатник своју сатнију *где* се губи у нереду, и *где* се је његова развита линија распузла у *блаиу* као погажена глиста, и у њем је почело да кипи (М. Крлежа, Хрватски бог Марс, 142). Нико га није тражио. Али су га нашли трећи дан *где* се сам преклао на *Тијаниној хумци* (И. Андрић. Љубав у каси, 83).

В таких предложениях пространственное значение проявляется слабее и не всегда устанавливается бесспорно, если неизвестны интонация и логическое ударение.

В сложных предложениях, не имеющих обстоятельства места в главной или придаточной части, средством актуализации пространственной характеристики может быть логическое ударение. Однако довольно часто автор (говорящий) в таких предложениях не выделяет логического центра, а делает актуальным все содержание придаточного. В этом случае он использует для связи предложений союз *где*. Такие придаточные совершенно лишены оттенка пространственного значения.

Обратимся к примерам.

Изашавши медвјед рано у пролеће из своје јаме, угледа дријен *ће* је уцвјетио, а остала дрвета још и не мисле да цвате, па посмисли... (В. Караџић. Народне приповетке, 256).

Трудно предположить, что в данном примере автор хотел сказать не только то, что медведь увидел расцветшее кизиловое дерево, но и то, что он видел его там, где оно расцвело. Тот факт, что местоположение дерева и для рассказчика, да и для медведя было безразлично, а важно было только то, что это дерево цвело, подчеркивается противопоставлением: дријен *ће* је уцватио, а остала дрвета још и не мисле да цвате...

Другой пример:

Наједампут чује велики бат и мумлање, сва протрне кад виде льва *где* у собу уђе ... (Там же, 112).

Из содержания сказки ясно, что девушка увидела льва не на том месте, где он вошел или когда он входил. Она увидела льва, уже вошедшего в комнату. Слово *где* в данном случае не выражает никакого пространственного значения.

Мени се додијало већ овако живјети, а још ми је жалост више тебе гледајући *ће* с мене страдаш, него хајдемо у вилину гору... (Там же, 179).

И в этом примере говорящий не имел в виду сказать, что видит своего друга там, где он мучается; в этом нет необходимости, т. к. из сказки очевидно, что жизнь этих людей, живущих подаяниями, всюду была мучением.

Невозможно установить пространственное значение в следующих примерах из сказок Вука Караджича:

Сад, кад цар виде чобана, *где* се врати кући, одмах дозове к себи своју кћер... (Там же, 43). Из почетка, у радости, није марила што је толишно дете родила, али после дође јој на жао гледајући другу децу, која су се с њезином родила, *где* нарастоше на женидбу и удадбу, а њезино остало као биберово зрно (Там же, 217). Један чоек, којег је бољео зуб, сrete другога чока *ће* јауче иза гласа ... (Там же, 256). Кад га нађе да се дигао из постеле и онако гола *ће* сједи, зачуди се пак му рече: „Тако ли се служи?“ (Там же, 236).

Приведем примеры из современной литературы:

А да се је Лоборец Штеф вратио к својој младој жени, нашао би је *где* се је пропила. Краву, свиње, живад, пол рали ливаде, све је то Лоборчева жена запила у лудој некој замисли да је Штеф мртав и да се не ће више вратити (М. Крлежа. Хрватски бог Марс, 43).

В приведенном примере придаточное *где се је* *пропила* никак не характеризует места действия подлежащего ни главного, ни придаточного предложения: корова, свињи, птицы и т. д. были пропиты, по-видимому, в разных местах и уж конечно, не там, где застал бы свою жену Лоборец Штеф. Мы вообще не знаем, где конкретно он мог бы её застать, автор не имел в виду сообщать этого читателю. Он привлекает внимание читателя не к действию и к месту его совершения, а к самому предмету и к его свойству, выразившемуся в совершении определенного действия (безотносительно к тому, где или как оно было совершено). Актуализировано все содержание придаточного.

Другой пример:

Тако и наш господин сатник ужива, кад гледа „шчетану“ сатнију *где* у прозору ступа, па га симетрично и углађено мијењање построја особито мило и угодно дира (Там же, 68).

И в этом случае в центре внимания сам объект с его признаками, а не обстоятельства совершения им действия.

Ещё пример:

Око сто и педесет пацијената стајало је голо голцато, као што их је мати родила, сврстани по цимерима, и тако су их доктори посетили, и нашли коначно инфантериста Кадавера, *где* је рањен, па је настао велики скандал (Там же, 337).

Из самого приведенного предложения видно, что в нем сообщается о врачах, обнаруживших раненного Кадавера, но автор совсем не говорит в этом предложении о месте, где его ранило.

О полном отсутствии в этих предложениях пространственной семантики свидетельствует и невозможность введения в главную часть указательного (соотносительного) наречия. Если ввести *шамо*, например, в последнее из приведенных нами предложений, то окажется, что врачи обнаружили Кадавера там, где он ранен:

Око сто педесет пацијената стајало је голо голцато, као што их је мати родила, сврстани по цимерима, и тако су их доктори визитирали, и нашли коначно инфантериста Кадавера тамо *гдје* је рањен, па је настао велики скандал.

Между тем смысл контекста исключает возможность такого понимания. Корреляция *шамо* — *где* в данном случае невозможна, так как *где* является союзом, не имеет лексического значения места, не выполняет в составе придаточного обстоятельственной функции.

Таким образом, оттенок пространственного значения имеют не все придаточные, вводимые словом *где*. В одних этот оттенок выражен четко, в других — слабее, в третьих — совершенно отсутствует. Пространственное значение сохраняется в тех конструкциях, в которых *где* сохраняет (в большей или меньшей степени) лексические и синтаксические свойства наречия (сохранению этих свойств способствует наличие в главной или придаточной частях других обстоятельств места, соотносящихся с *где* или допускающих такую соотнесенность). Пространственное значение совершенно отсутствует в предложениях, в которых *где* является союзом.

В придаточных, вводимых *како*, М. Стеванович устанавливает оттенок значения образа действия. Приводя пример: Занимљиво је чути писце и уметнике *како* чине за тај недостатак прекоре критичици (Б. Поповић), он поясняет: хотя в зависимом предложении имеются в виду писатели и артисты, которые упрекают критику, автор, употребляя *како* для связи придаточного предложения с главным, хотел подчеркнуть, как, каким образом писатели и артисты это делают.⁹

Таким образом, говоря о предложениях с *како*, М. Стеванович и у этих предложений наличие (или отсутствие) оттенка обстоятельственного значения справедливо связывает с коммуникативным заданием, т. е. с необходимостью актуализировать (или не актуализировать) обстоятельственную характеристику действия. Если говорящий хочет подчеркнуть, показать важность сообщения о том, как, каким образом совершается действие поясняемым предметом, он использует для связи

⁹ М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик. II. Синтакса, стр. 830.

предложения относительное наречие, которое и выполняет в этом случае в придаточном роль логического центра. Такое придаточное имеет оттенок значения образа действия.

Оттенок значения образа действия, содержащийся в рассматриваемых придаточных, возникает не на основе синтаксических отношений между главным и придаточным предложениями. Его не следует соотносить со значением придаточных образа действия, т. к. рассматриваемые нами придаточные с *како* не определяют способ совершения действия главного предложения, а сообщают о способе совершения действия, названного сказуемым придаточного предложения. Это значение появляется благодаря тому, что *како* сохраняет свойства относительно-вопросительного наречия.

Наиболее четко это значение проявляется в тех сложных предложениях, в которых оно раскрывается, усиливается или поддерживается введением в состав придаточного, кроме *како*, других обстоятельств образа действия или других членов предложения, характеризующих действие, выраженное сказуемым, с точки зрения способа его совершения. Такие придаточные с *како* являются самыми распространенными.

Например:

Гледа нас *како весело* брстимо онај огранак и потиштено клима главом (Б. Ђошић. Крава с дрвеном ногом, 46). Кад је отворио врата, видео је Криту и Крстину *како се, ухваћени у кошница,* носе по соби (И. Андрић. Љубав у касаби, 72). Види разбојничке интернационале *како љакосно* лаје и другог хушка на злочин (Ј. Галић. Непокорено село, 98). Било је и смешно и жалосно видети тога огромног човека *како* седи и набраја *као жена* (И. Андрић. Љубав у касаби, 94). Гледао је Ловрек Штеф те непознате и стране војнике, *како* се мичу по браздама *као орачи у даљини* (а нису орачи и не носе плугове него пушке) ... (М. Крлежа. Хрватски бог Марс, 31). Занесен и срећан, ја видим само краву с дрвеном ногом, најнеобичнију краву, једину на овоме свијету, *како лагано* набада низ неку прољећну ливаду над којом никад не залази сунце (Б. Ђошић. Крава с дрвеном ногом, 127). Долазили су селяци и јављали да су га видели у тој и тој шуми *како њоцејан, бос и гологлав,* с *ножем* у руци, звера око себе (И. Андрић. Љубав у касаби, 62). Лала је затицао *како њевајући гласно* боцка великим црним ножем пуне и беле хлебове грошњаке (Там же, 112). Кратак поглед ухвати неку младу жену или девојку, *како, сигурна у себе и без мисли*

о свом *шелу*, излази из мора бацајући мокру косу или се спрема да скочи у њ (Там же, 171). На пољу се види понеки сељак *како шешко* вуче ногу за ногом због огромног блата које се прилепило са свих страна за отрцане старе опанке (Ј. Галић. Непокорено село, 7).

Иногда раскрытие обстоятельственного значения, намеченного в общих чертах наречием *како*, дается не в придаточном предложении, а в более широком контексте.

Младић се нагну и још једном виде јасно жену *како* лежи на великој каменој плочи; *глава јој наслоњена на сам њраг, а руку њружа узалудно ка халци*, јер нема снаге да је дохвати (И. Андрић. Љубав у касаби, 47).

В предложениях, не имеющих в составе придаточного обстоятельства образа действия, часто трудно решить по тексту, актуализируется *како* или нет, т. к. в зависимости от субъективного понимания текста можно по-разному интерпретировать и роль *како*. Например:

Не могу да те гледам *како* плачеш (И. Андрић. Љубав у касаби, 134). Видио га је крвава, скрхана, сломљена, *како* лежи у подруму (Ј. Галић. Непокорено село, 115). Гледај га, *како* импонира, *како* је феш! (М. Крлежа. Хрватски бог Марс, 237). Дјед Раде кисело погледа Вилсонову слику, обори очи и тек онда спази нашег мачка *како* истеже врат уз лонац с јелом и љутито развуче по њему машицама... (Б. Ђопић. Крава с дрвеном ногом, 140). Па ипак, кад сам угледала Александра *како*, онако плећат и насмејан, излази из аутобуса, срце ми за мало није попустило ... (Политика. 8. X. 1965).

Однако во многих случаях контекст дает возможность установить, что автор не ставит задачи выделить, подчеркнуть обстоятельную характеристику действия, в придаточном нет логического центра сообщения, актуальным по замыслу автора является все содержание придаточного. В таких случаях для связи частей сложного предложения используется союз *како*.

Рассмотрим несколько примеров:

Занимали су га људи, особито нови, необични и непознати. Тако се десило да онога прашног и поцепаног младића кога је угледао *како* силази у касабу није могао да заборави (И. Андрић. Љубав у касаби, 139).

Героя, о котором рассказывает автор, интересовали люди, особенно новые, необычные, незнакомые. Было бы неверным полагать,

что увидев молодого человека, спускающегося в селенье, он начал рассматривать не его самого, пыльного и оборванного, а то как он спускается. Очевидно, что в этом примере *како* не вносит в придаточное свойственного наречию *како* обстоятельственного значения.

Разбуђен, јасно угледа једном мрачне, оружане људе, *како* гоне неку нагу жену, чу јасно њен пад и угледа још једном испружену ка халци, која је сувише високо (И. Андрић. Љубав у касаби, 47).

Очевидно, что автор сообщает читателю, что его герой увидел ночью вооруженных людей, гонящих нагую женщину, и совершенно не говорит о том как (каким способом) они её гонят.

Јер, било је дана кад је, онако озбиљан и просед, по читав час стајао закривен у сенци поред прозора и вребао да види сеоске жене *како* пролазе на реку да испирају рубље (И. Андрић. Љубав у касаби, 56).

Герой смотрит на женщин в то время, когда они проходят на реку стирать белье. Но его не интересует как (каким способом) они идут, и Андрич об этом не имел в виду сообщать читателю. Точно также не следует думать, что в предложении Угледа жену плаве косе *како* води-дјевојчицу (Арена 250, 11) герой обращает внимание не только на женщину, ведущую девочку, но и на то, как она ведет девочку, а в предложении Видјела га *како* спава на слами (Ж. Јеличић, Млака кожа, 24) объектом внимания является не только человек спящий на соломе, но и то, как этот человек спит.

Таким образом и для предложений с *како* характерно в определенных ситуациях ослабление и полная утрата обстоятельственного значения, связанная с переходом *како* в этой функции в разряд союзов.

В предложениях с *да*, имеющих такие же структурные признаки, как и рассмотренные выше предложения с *где* и *како*, слово *да* во всех случаях является союзом. Например:

Кад дође у пећину ђе су дивови били, узме ватре па потрчи и дође браћи ђе их застане *да* спавају (В. Караџић. Народне приповетке, 158).

Предложение *да спавају* относится к местоимению *их*. В этом придаточном предложении сообщается, что герой сказки застал своих братьев спящими; обстоятельственной характеристики действия главного или придаточного в нем не содержится. Также в других примерах:

А кад видите сина човјечијега да одлази горе гдје је прије био? (В. Караџић. Нови завјет, 228).

Само где-што звонац зазвони крај реке, или совина завија у шуми, или се из села озго чује гдекоји пас да залаје два трипут па ућути (М. Глишић. Приповетке, 82). Видећи госта да полази дјед низи глас... (Б. Топић. Крава с дрвеном ногом, 109). Ту затече два одборника да бојажљиво иза врата вуре на мотор као на звијер у крлеци (Сувремена југославенска новела, 164).

Во всех случаях анализируемые нами придаточные, вводимые союзом *да*, не содержат оттенков обстоятельственного значения, связанных с употреблением этого союза.¹⁰

*
* *

Особенности значения придаточных с *где*, *како* и *да*, относящихся к дополнению при глаголах восприятия, представляются более ясными и понятными, если рассмотреть их историческую связь с причастиями, употреблявшимися в качестве вторых падежей в древних славянских языках.

Известно, что для древних славянских языков было характерно употребление второго винительного падежа, причем довольно часто этот второй падеж выражался соответствующими формами причастий прилагательных. Так, например, А. Вайан отмечает частое употребление апозитивного определения при объекте в старославянском языке: *овѣрѣтѣи и ... сѣдѣштѣ*. Лука II, 46, Мар. Зогр. Асс (*сѣдѣща* Сав. кн.); *видѣ чловѣка ... сѣдѣща*. Матфей IX, 9, Мар. Зогр. Асс. (*сѣдѣщѣ* Асс).¹¹

¹⁰ В грамматиках сербохорватского языка в числе относительных обычно указывают также на предложения с союзом *да* следующего типа: Има народа у којима нема човека *да* не зна читати и писати, справедливо отмечаю у них кроме атрибутивного значения и значение следствия. Однако такие предложения по сравнению с рассматриваемыми нами имеют другую структуру: для них, в частности, не характерно ограничение лексического состава (выражение сказуемого глаголом со значением восприятия), не имеют они и обязательного структурного признака — субстантивного члена в функции дополнения. По структуре и грамматическому значению они ничем не отличаются от консективных предложений типа А Турчин је јунак од мегдана/, *да* му нема на крајини пара. Мы считаем их поэтому сложными предложениями с придаточными следствия, сочетающими консективное значение с атрибутивным, и в данной работе не рассматриваем.

¹¹ А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 208.

Обороты с двойными падежами, унаследованные, по-видимому, из общеславянского языка, были представлены и в других древних славянских языках.¹²

Будучи предикативным определением при грамматическом дополнении или подлежащем, причастия первоначально согласовывались с именем существительным. Однако, как отмечал А. А. Шахматов, в оборотах с двойными падежами они „явным образом эмансипируются от влияния определяемого слова в силу той связи, которая устанавливается между ними и глаголом...“¹³ Эта эмансипация была обусловлена дальнейшим совершенствованием языка, в частности стремлением провести различие между ближайшим и опосредованным объектом.¹⁴ В связи с этим вторые падежи причастий в славянских языках либо частично сохраняются, либо заменяются творительным предикативным, деепричастиями или придаточным предложением.¹⁵

В древних памятниках сербской и хорватской письменности также довольно часто употреблялись вторые винительные падежи, выраженные причастиями.¹⁶ Позднее сербохорватский язык вообще утратил причастия действительного залога настоящего времени. В фольклоре и в старой литературе сохранились следы былого употребления причастий в качестве вторых падежей: причастия, уже утрачивающие способность словоизменения, всё еще употребляются в оборотах с двойными падежами и фактически представляют „несколько видоизмененное повторение свойств первого, несогласуемого винительного, стоящего в том же предложении“.¹⁷ Приведем следующие примеры:

¹² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. I—II, М., 1958. стр. 301; С. Б. Бернштейн. Основные задачи, методы и принципы „Сравнительной грамматики славянских языков“. Вопросы славянского языкознания. вып. I. М., 1959, стр. 8—10.

¹³ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 332.

¹⁴ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I—II, стр. 295.

¹⁵ Там же, стр. 310; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 338; Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, стр. 312 и сл. См. также: П. Лавровский. О языке северных русских летописей. Спб, 1852, стр. 105; Я. А. Спринчак. Очерк русского исторического синтаксиса. Киев, 1960, стр. 182—187; А. Б. Правдин. К истории двойных косвенных падежей в русском языке. Уч. зап. Тартусского гос. ун-та, вып. 119. Труды по славянской филологии. V. Тарту, 1962. стр. 315 и сл.

¹⁶ Ср.: И. Грицкат. Дивошево јеванђеље. Јужнословенски филолог. Књ. XXV. Београд, 1963, стр. 266.

¹⁷ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. I—II, стр. 295.

„Зачу лелек и зачу кукање, стару мајку Јова кукајући“; „Нађе брата *йлачући*“; „Виде и нас обоје сасвим будне и с прекрштеним ногама *седећи*“.¹⁸

Характерно, што, судя по примерам, такое необычное употребление застывших причастий чаще встречается именно при глаголах восприятия.¹⁹

В большинстве случаев сербохорватские причастия действительного залога настоящего времени перешли в деепричастия. При глаголах восприятия вместо причастий, выступавших предикативным определением объекта, развивается своеобразный тип придаточных предложений, передающих то же значение, которое ранее передавалось вторым падежом причастия: „Видеше младића где седи (= *сѣдѣица*)“.²⁰ Грамматики современного сербохорватского языка, отмечая редкие случаи сохранения старинного употребления причастий, сразу оговаривают, что здесь следовало бы употребить придаточное.²¹

По-видимому, несколько позднее по этому же пути пошло развитие вторых падежей, выражавшихся в древнем сербохорватском языке полупредикативными прилагательными.²²

Историческую связь предложений с *где*, *како*, *да* и причастий подтверждают сравнения переводов одного текста на сербохорватский язык и, например, на русский, где употребление причастий в качестве предикативного определения при объекте частично сохраняется. Ещё

¹⁸ Примеры заимствованы из статьи: Љ. Стојановић. Значење глаголских партиципа. Јужнословенски филолог. Књ. VIII. Београд, 1928—1929, стр. 10. См. также: А. Белић. Историја српскохрватскога језика. Књ. II, св. 2. Речи са конјугацијом. Београд, 1962, стр. 191.

¹⁹ Отметим попутно, что и в русском языке второй винительный, выраженный причастием и прилагательным, сохраняется более длительное время именно при глаголах восприятия (В. И. Чагишева. Второй винительный падеж в русском литературном языке XVIII в. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 122. Кафедра русского языка, Л., 1956, стр. 100).

²⁰ Ср.: А. А. Потеня. Из записок по русской грамматике. I—II, стр. 311.

²¹ См., например: „Совсем редко деепричастия относятся к дополнению в винительном падеже: Нађе брата *йлачући*... Обычнее бы было: Нађе брата *где йлаче*“.— J. Vrabec, M. Hraste, S. Zivković. Gramatika hrvatskoga jezika. IV. preradjeno izdanje. Zagreb, 1961, стр. 259.

²² Остатки былого употребления вторых падежей прилагательных также встречаем в сербохорватском языке: Него ме ево жива и здрава; И ево! нађу га жива; Ево га гола и т. п. (см.: Ђ. Даничић. Србска синтакса. Београд. 1858, стр. 116); Кад их ту видеше здраве и читаве, дже се вика, граја, весеље (М. Глишић. Сабрана дела. I, 365).

в 1890 г. О. В. Ржига отмечал, что в переводах с одного текста на сербохорватский и на русский языки сербохорватским предложениям с *где*, *како*, *да* соответствуют русские причастия и причастные обороты: „Исус...видје човјека гдје сједи на царини“ = „Исусъ...увидѣлъ челоуѣка сидящаго у сбора пошлинь“; „... угледаше Исуса гдје иде ѿ моря“ = „... увидѣли Исуса, идущаго ѿ моря“; „... дошавши к ученицима нађе их гдје сѣвају“ = „...приходить къ ученикамъ и находить ихъ сѣящими“.²³

Первоначально употребление *где* и *како*, надо полагать, дифференцировалось в зависимости от того, хотел ли говорящий подчеркнуть, при каких обстоятельствах (*где*, *как*) совершается действие предметом. Наиболее явственно этот оттенок значения в настоящее время сохраняется в предложениях с *како*. Удерживает обстоятельственное значение некоторая часть присубстантивных придаточных с *где*. В этом смысле, по-видимому, следует понимать одновременное употребление *где* и *како* в таком предложении: Гледа је у машини, као на филмском платну, како се шири пред њим, а на њој види себе, брата, комшију, где копа и преврће тврду црвеницу (Ј. Галић. Непокорено село, 118).

Союз *да* был нейтральным по отношению к обстоятельственным оттенкам. Различие между этими предложениями состояло, по-видимому, в том, что в придаточных с *где* и *како* внимание слушателя (читателя) привлекалось не только к предмету, совершающему действия, но и к тому, где или как оно совершается; придаточное с *да* привлекало внимание к предмету и совершаемому ему действию и не содержало сведений об обстоятельствах, при которых это действие совершается.²⁴

Однако со временем по мере перехода *где* и *како* в союзы и утраты ими свойств вопросительно-относительных наречий, оттенки обстоятельственного значения слабеют, а во многих случаях, как было показано выше, устраняются полностью. Значение предложений с *где* и *како*, утратившими и лексические, и синтаксические свойства наречий, приближаются к значению предложений с *да*: в них сообщается о предмете и совершаемом им действии. А. А. Потеня, например, следующим образом объяснял значение предложения Видите ли оне несрет-

²³ О. В. Ржига. Основные виды предложения (древнеславянского, русского, польского, лужицко-сербского, чешского, словенского и болгарского) М., 1890, стр. 35.

²⁴ Утверждение, будто с помощью союза *где* (в отличие от *да*) подчеркивалось, что субъект видит действительно своими глазами, слышит своими ушами то, о чем говорится в придаточном, не представляется нам убедительным. Впрочем, сам П. Будмани, выдвинувший такое объяснение, замечал, что это различие трудно проследить на языковом материале. См.: Rječnik JAZU, III. Zagreb, 1887, стр. 123.

нице, *ће* отрова својега *ђевера*: не „где отравила“ и даже не „что отравила“, а „отравившую“.²⁵ Различие между ними, пожалуй, можно уловить лишь в том, что при употреблении союзов *где* и *како* актуѣ лизируется все содержание придаточного, а при употреблении союза *да* большее внимание привлекается к действию.

Распространение оборота со вторым падежом в предложении в сербохорватском языке возможно было не только с помощью союзов *где, како, да*, но и союза *а*, сочетающегося с именительным падежом личного местоимения.²⁶ Такие конструкции встречаем ещё у В. Караджича: „... после *ћеш* срести другога (човека) где носи шарана, трећег *ћеш* срести, *а он* носи жива голуба“ (В. Караџић. Народне приповетке, 86); „... *нађе* два бравца, *а они* једнако *косе*“ (Там же, 76). Ср.: „Видео сам два брва *где* се једнако *косе*“ (Там же. 77).

Придаточным предложением мог заменяться либо один второй падеж, либо оба падежа вместе. Например:

Момчић иде странчицом / Закићен је гранчицом. / Тер он гледа низ брдо / И угледа *Марицу* / *ћено* плахо мете двор (В. Караџић. Српске народне пјесме. I, 248). Момчић иде странчицом / Накити се гранчицом / Па погледа низ брдо / , *Како* Јана мете двор (Там же 247).

В первом предложении имя существительное *Марицу* (первый винительный) находится за пределами придаточного, во втором существительное *Јана* включено в состав придаточного предложения.

Некоторые исследователи полагали, что первый тип предложения развился позднее, на основе второго. Так, например, Я. Зубатый, рассматривая такие предложения в чешском языке, утверждал, что исходным было придаточное, включающее в свой состав подлежащее (тип: *neb sem viděl, ano jeden rytič stojí*), но позднее это подлежащее

²⁵ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. I—II, стр. 318. О переходе *где, како* в союзы и утрате ими значения и функции наречий см. также соответствующий раздел в статье Р. Димитријевић. Из синтаксе врста речи. Књижевност и језик. Београд, 1968, № 3, стр. 45.

²⁶ Т. Маретић указывает, что в славянских языках союз *а* часто употребляется для связи двух предложений, в первом из которых сказуемое выражено глаголами *видјети, доћи, наћи* и т. п. Союз в таких случаях передает не столько противительность, сколько то, что действие второго предложения происходит одновременно с действием первого предложения. В сербохорватском языке (как и в чешском) в этом случае союз *а* употребляется в сочетании с местоимением *он*: „*Нађе* царицу, *а она* седи и сузе рони“ (см.: Т. Maretić. Veznici u slovenskijem jezicima. Zagreb, 1888, стр. 18).

было перемещено в главное, где стало дополнением (тип: *tu izg'ešom lva, an stoji*).²⁷ С ним соглашался и Я. Бауэр, связывавший, как нам кажется, без достаточных оснований переход от первого типа ко второму с влиянием латинского языка.²⁸ Нам представляются достаточно убедительными доводы А. А. Потевни, вскрывшего несостоятельность точки зрения, согласно которой в таких конструкциях будто бы „существительное, вовлекается в предшествующее главное предложение, становясь в нем, между прочим, винительным“.²⁹ Однако у нас нет оснований согласиться и с мнением А. А. Потевни о том, что второй тип придаточных является более поздним по отношению к первому.³⁰

По-видимому, оба эти типа появлялись на смену конструкциям со вторыми падежами независимо друг от друга. Первый тип придаточных заменял только один (второй) падеж, второй тип придаточных заменял оба падежа.

Значения таких придаточных очень близки. А. Белич, например, считал что в предложении Види *где* тичица маше крилима можно немного изменить отношения и сказать: види тичицу *где* маше крилима или види *да* тичица маше крилима, и во всех этих предложениях *где, да* являются примером различных способов выражения одного и того же синтаксического значения.³¹ Характерно, что М. Стеванович в своем синтаксисе, характеризуя изъяснительные придаточные, в качестве иллюстраций приводит предложения как с бывшим первым винительным, включенным в придаточное (Видим *где* се двојица по соби хватају. Ј. Јурковић. Изабране приповијетке, 72; Чујем *где* с врха по трупљима тече. И. Г. Ковачић. Јама, 29), так и предложения, в которых первый винительный остается в составе главного (О видим *ше...* у духу *где* шећеш по обали бескрајнога мора. Б. Ливадић. Новеле, 42; А њих двојица кад опазе за собом *змаја где* их тера, перепадну се. Нар. приповетка; У твојој башти ја *ше* видјех јуче *где* береш крупне распукле гранате. А. Шантић, песма Једна суза; Угледат ћу другога *човјека где* иде мојим стопама. Д. Тадијановић. Благдан жетве, 40).³²

²⁷ J. Zubaty. Studie a články. II. Praha, 1954, стр. 74—75.

²⁸ J. Bauer. Vliv řečtiny a latiny na vývoj syntaktické stavby slovanských jazyků. Československé přednášky pro IV. mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. Praha, 1958, стр. 92.

²⁹ А. А. Потевня. Из записок по русской грамматике. I—II, стр. 317.

³⁰ А. А. Потевня. Из записок по русской грамматике. III. М., 1968, стр. 307.

³¹ А. Белич. Историја српскохрватског језика. Књ. 2, св. 1. Речи са дефлексијом. Београд, 1965, стр. 139.

³² М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик. II, Синтакса, стр. 795.

Однако, между этими предложениями имеется не только сходство, но и существенные различия, что можно наглядно увидеть, исследовав не только структуру обоих предложений, но и характер отношений между их компонентами.

Воспользовавшись примерами А. Белича, рассмотрим предложение с бывшим первым винительным падежом, включенным в состав придаточного:

Види где (како, да) тичица маше крилима.

Отношения между главным и придаточным графически можно изобразить следующим образом:

что?

Види → где (како, да) тичица маше крилима.

Очевидно, что придаточное относится только к глаголу в составе главного предложения. Оно имеет только изъяснительное значение. Рассмотрим другой пример А. Белича: Види тичицу где (како, да) маше крилима. Графически отношения главного и придаточного изображаются иначе:

что?
 Види ————— → тичицу
 ↘ что? какую? ↙

 где (како, да) крилима маше.

Специфика синтаксических отношений придаточного с главным в этом случае состоит в том, что оно одновременно связано с глаголом главного предложения и с субстантивом.

Такой же характер взаимоотношения придаточного с поясняемым субстантивом и со сказуемым главного предложения наблюдается и в тех случаях, когда субстантив, к которому относится придаточное, вводимое *где, како, да*, стоит в именительном падеже, а сказуемое главного предложения выражено возвратным глаголом. Существительное, следовательно, выполняет функцию подлежащего лишь грамматически, фактически же оно является названием того, что (или кто) воспринимается (если глагол возвратного пассивного значения заменить невозвратным переходным глаголом, то подлежащее должно стать прямым дополнением).³³ Таким образом и в этом случае придаточное одновре-

³³ Грамматика русского языка. т. I. М., Изд. АН СССР, 1960, стр. 419.

менно связано и с субстантивом и со сказуемым главного предложения. Например:

что?
 По врху хума виде се → гомиле сельака
 что? ↘ ↙ какие?

 како журно примичу к селу.

Эту двойственность отношений подчеркивает и югославский исследователь Злата Деросси, указывая, что такие предложения при- даются одновременно и субстантиву и глаголу главного предложения. „Они содержат характеристику, которая в контексте ограничена дей- ствием главного предложения и относится к главному предложению как предикативный атрибут к предикату и субъекту“.³⁴ Соглашаясь с этой констатацией двойных синтаксических связей придаточного, мы бы такие придаточные сравнивали с предикативным атрибутом к дополнению или еще точнее — с оппозитивным определением, т. к. придаточное одновременно относится не к предикату и субъекту, а к глаголу и его дополнению. На основе синтаксических отношений с глаголом возникает объектное значение, на основе отношений с суб- стантивом — атрибутивное значение.

Субстантив главного предложения поясняется, таким образом, посредством сообщения о действии, при совершении которого кто-либо этот субстантив видит, слышит, находит и т. п.: подлежащее главного предложения воспринимает два объекта — какой-либо предмет и дей- ствие, совершаемое этим предметом и являющееся его признаком.

Проведенное нами исследование отношений между компонентами сложного предложения привело нас к выводу о том, что все придаточ- ные, вводимые словами *где, када, да* и относящиеся к дополнению при глаголе восприятия главного предложения, одновременно имеют атрибу- тивное и объектное значения. М. Стеванович в свое время удачно иллюстрировал это примером из Б. Поповича:

Али је занимљиво чути писце и уметнике да (како, где) чине за тај недостатак прекоре критици.

Замена союза *да* союзами *како* и *где*, писал он, не изменяет грам- матического значения предложения: оно остается относительным (ат- рибутивным) и изъяснительным (объектным).³⁵ Придаточные с *где*,

³⁴ Z. Derossi. Odnos atributivnih rečenica i imenica u glavnoj rečenici, стр. 14.

³⁵ М. Стевановић. Напоредна употреба заменица који и односних свезица: да, где, како, те и што. Наш језик. Год. VI. св. 7—8.

како, да, относящиеся только к глаголу главного предложения, имеют только изъяснительное значение. Следовательно, присубстантивные придаточные с *где, како, да* и структурно и по значению отличаются от изъяснительных придаточных, вводимых этими союзами.

Однако присубстантивные придаточные с *где, како, да* отличаются и от присубстантивных придаточных с относительными местоимениями. В свое время Т. Маретич полагал, что эти предложения могут свободно заменяться предложениями, вводимыми местоимением *који*.³⁶ Между тем, было установлено, что эта замена не является эквивалентной.³⁷ В самом деле, в произведениях сербских и хорватских писателей можно встретить предложения, в которых в главной части есть глагол восприятия и дополнение в винительном падеже, а придаточное, относящееся к этому дополнению, вводится местоимением *који*. Например:

Видио је само мајку која се са обране укочено усправља, нагнута напријед, спремна скочити уколико је Нино не успије смирити (А. Стипчевић. Вруће лето, 125). Вестер је точно чуо селяка, *који* им је говорио (Сувремена југославенска новела, 97). Он се надвири иза ћошка од куће и опази Јуру који пред собом гоњаше мазгу (И. Ђипико. За крухом, 115).

В этих предложениях местоимение *који* относит придаточное только к субстантиву и придаточное имеет только атрибутивное значение. Точно так же при замене союзов *где, како, да* местоимением *који* в присубстантивных устраняется двусторонний характер связи придаточного и оно утрачивает объектное значение. З. Деросси справедливо отмечает, например, что „когда вместо *где* употребим *који*, то связь с глаголом утрачивается и зависимое предложение относится к существительному только как именной атрибут в простом предложении к определяемому имени“.³⁸

Таким образом, придаточные с *где, како, да*, имеющие двусторонние синтаксические связи, и по своей структуре, и по значению отличаются как от изъяснительных, так и от присубстантивно-относительных придаточных.

Подводя итог сказанному о рассмотренных в этой статье предложениях, мы должны констатировать следующее:

³⁶ Т. Maretić. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika, стр. 510:

³⁷ М. Стевановић. Напоредна употреба заменица који и односних свезица да, где, како, те и што, стр. 203—207; М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик. II. Синтакса, стр. 830.

³⁸ Z. Derossi. Odnos atributivnih rečenica i imenica u glavnoj rečenici, стр. 14.

1. Придаточные, вводимые словами *где*, *како*, *да* и относящиеся к дополнению главного предложения при глаголах восприятия, характеризуются двусторонними синтаксическими связями: они одновременно связаны и с субстантивом, и с глаголом главного предложения.

2. Эти придаточные совмещают в себе атрибутивное (определятельное) и изъяснительное (объектное) значения. Атрибутивное значение возникает на основе синтаксических связей придаточного с субстантивом, изъяснительное — на основе синтаксических связей этого же придаточного с глаголом главного предложения. Оба значения являются грамматическими.

3. Придаточные с *где* и *како*, кроме атрибутивного и изъяснительного значения, могут иметь оттенки обстоятельственных значений.

а) Некоторые придаточные предложения с *где* в современном языке имеют оттенок пространственного (локативного) значения. Этот оттенок возникает на основе синтаксических отношений внутри самого придаточного и содержит пространственную характеристику действия придаточного. Говорить, что такие предложения являются придаточными относительными (атрибутивными) и в то же время придаточными места, можно лишь условно, чтобы отметить наличие оттенка пространственного значения, так как придаточное места характеризует место действия не придаточного, а главного предложения. Оттенок пространственного значения не является общим для всех придаточных с *где*, он имеется лишь в таких конструкциях, в которых *где* сохраняет свойства вопросительно-относительного наречия и не является союзом.

Это зависит от коммуникативного задания, т. е. от того, хочет ли автор (говорящий) выделить, подчеркнуть указание на место совершения действия придаточного (тогда употребляется наречие *где*), или он актуализирует все содержание придаточного (тогда употребляется союз *где*).

б) Для придаточных, вводимых *како*, характерен оттенок значения образа действия. Этот оттенок также возникает на основе синтаксических отношений внутри придаточного, он характеризует способ действия, называемого сказуемым придаточного предложения. Такие придаточные квалифицировать как придаточные относительные (атрибутивные) и в то же время как придаточные образа действия, можно лишь условно, т. к. придаточные образа действия характеризуют способ действия, выраженного сказуемым главного, а не придаточного предложения. Оттенок значения образа действия в современном языке не является общим для всех присубстантивных придаточных с *како*: в тех

придаточных, в которых *како* является союзом, а не наречием, этот оттенок отсутствует. И в этом случае употребление наречия или союза обуславливается целью высказывания. Чтобы подчеркнуть, каким образом совершается действие придаточного предложения, употребляется наречие *како*, для актуализации всего содержания придаточного используется союз *како*.

4. Придаточные, вводимые союзом *да*, а также словами *где* и *како*, ставшими союзами, оттенков обстоятельственного значения не содержат. Различие между этими предложениями в таком случае состоит в том, что в предложениях с *где* и *како* делается актуальным, подчеркивается все содержание придаточного, а в предложениях с *да* — главное внимание обращается на действие, совершаемое поясняемым предметом.

5. Строго говоря, эти придаточные нецелесообразно объединять ни с присубстантивно-определятельными, ни с приглагольно-изъяснительными, так как они являются присубстантивными и приглагольными одновременно.

Поясняя предмет сообщением о действии, которое он совершает в момент восприятия его субъектом главного предложения, такие придаточные в структурно-семантическом отношении представляют собою конструкции промежуточные, стоящие на границе изъяснительных и присубстантивно-определятельных. А. А. Потебня считал, что „... эти обороты составляют переход от оборотов, в коих главное предложение вмещало в себе в виде составного дополнения (двух винительных, двух родительных) по образцу „увѣдша князя идуча“ то, что позднее стало содержанием придаточного предложения („увѣдша оже князь идет“). В промежуточной переходной форме „увѣдша князя оже идет“ содержание позднейшего придаточного ещё разделено между главным и придаточным“ (А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. III. М., 1968, стр. 307). Также характеризуют такие конструкции в русском языке XVII в. Э. И. Коротаева (Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.-Л., 1964. стр. 46).

Такие же свойства отмечает А. К. Федоров, описывая подобные конструкции, иногда встречающиеся в современном русском языке (А. К. Федоров. Употребление подчинительного союза „что“ в современном русском языке. Ученые записки Калининского государственного педагогического института им. М. И. Калинина, том XIX, вып. 2. Труды кафедры русского языка и русской и зарубежной литературы. Калинин. 1957. стр. 120).

В болгарском языке также имеются подобные предложения являющиеся „наследниками“ древнеболгарских конструкций с действительными причастиями настоящего времени. Они присоединяются союзом *че*: Тя действительно можа да видя едно знаме, че си развява тамо (Ив. Вазов). Исследователи болгарского языка считают, что это тип определительных предложений, „которые имеют гибридный характер, находясь между определительными и дополнительными предложениями“ (К. Попов. Русско-болгарские языковые параллели. *Otázky slovanské syntaxe. Sbornik Brněnske syntaktické konference. Praha, 1962, стр. 126).*

Синтаксическая связь между главными предложениями и этими придаточными в значительной степени ослаблена, особенно по сравнению с изъяснительными придаточными. В отличие от присубстантивно-относительных придаточных, которые в зависимости от контекста и коммуникативного задания могут быть либо выделительными, либо повествовательно-распространительными, эти придаточные никогда не имеют в своем составе соотносительного местоимения и, соответственно, не могут быть определительно-выделительными.

6. В современном сербохорватском языке предложения с *где, како, да*, имеющие двусторонние синтаксические связи, в некоторых текстах составляют до 50% среди всех присубстантивных придаточных. Есть все основания при классификации сложных предложений конструкции с придаточными, характеризующимися двусторонними синтаксическими связями и, соответственно, сочетанием атрибутивного и изъяснительного грамматических значений, выделять в особый тип на основании этих специфических и только им присущих структурных и семантических признаков.

П. А. Дмитриев

СПИСОК ТЕКСТОВ

из которых приведены примеры:

- И. Андрић. Љубав у касаби. Београд, 1963 (латиницеј).
- И. Андрић. На Дрини ћуприја. Београд, 1955.
- И. Андрић. Одабране приповетке. II. Београд, 1954.
- Арена. № 250.
- Ј. Веселиновић. Сельанка. Београд, 1955.
- Ј. Галић. Непокорено село. Сарајево, 1956 (латиницеј).
- М. Глишић. Приповетке. Београд, 1943.
- Р. Домановић. Приповетке. I. Пожаревац, 1899.
- Р. Домановић. Страдија. В кн.: Српски писци. М., 1958.
- М. Живанчевић. Ћукова воденица. Загреб, 1956 (латиницеј).

- Ђ. Јакшић. Приповетке. Нови Сад, 1954.
 Ж. Јеличић. Млака кожа. Загреб, 1960 (латиницей).
 В. Караџић. Српске народне приповетке. Београд, 1969.
 В. Караџић. Српске народне пјесме. I, II, III. Београд, 1969.
 В. Караџић. Нови завјет. Београд, 1969.
 В. Караџић. Скупљени граматички и полемички списи. III. Београд, 1896.
 В. Караџић. Даница за 1828 годину. Будим, 1829.
 М. Крлежа. Хрватски бог Марс. Загреб, 1955 (латиницей).
 М. Крлежа. Новеле. Загреб, 1955 (латиницей).
 А. Крстић. Трајан. Нови Сад, 1954 (латиницей).
 Ј. Лазаревић. Приповетке. II. Београд—Загреб, 1899.
 Политика 8. X. 1965.
 С. Ранковић. Сабрана дела. I. Београд, 1952.
 С. Ранковић. Горски цар. Београд, 1954.
 С. Сремац. Поп Ђира и поп Спира. Београд, 1946.
 Б. Станковић. Изабране приповетке. Београд, 1957.
 А. Стипчевић. Вруће љето. Загреб, 1966 (латиницей).
 Сувремена југославенска новела. Загреб, 1957 (латиницей).
 И. Ђипиќо. За кружом. Нови Сад, 1904.
 Б. Ђошић. Пролом. Београд, 1955.
 Б. Ђошић. Крава с дрвеном ногом. Београд, 1963 (латиницей).
 Св. Ђоровић. Јарани. Нови Сад, 1913.
 Д. Ђосић. Далеко је сунце. Београд, 1955.

Резиме

П. А. Дмитријевић

ЗАВИСНЕ РЕЧЕНИЦЕ СА ДВОСТРАНИМ СИНТАКСИЧКИМ ВЕЗАМА

У овом се чланку анализирају сложене конструкције чије се зависне реченице везују за главну речима *где, како, да* и које се односе на објекат уз глаголе *sentiendi* (Чујем птицу где пева. Чујем птицу како пева. Чујем птицу да пева).

Аутор долази до следећих закључака:

1. Зависне реченице које се везују за главне речима *где, како, да* и односе на објекат управне реченице уз глаголе *sentiendi* у функцији предиката имају двострану синтаксичку везу: оне су истовремено упућене на именицу (заменицу) и глагол у главној, односно управној реченици.

2. Ове зависне реченице имају у исто време и атрибуто и исказно (објекатско) значење. Њихово атрибуто значење потиче од синтаксичких веза дотичне зависне реченице са субстантивом, а ис-

казно — од веза са глаголом управне реченице. Оба су значења граматичке природе.

3. Зависне реченице са *где* и *како*, поред атрибутског и исказног значења, могу имати у савременом језику и извесно прилошко значење.

а) Неке зависне реченице са *где* имају месни карактер. Ова нијанса у значењу потиче од синтаксичких односа у границама саме зависне реченице. Тврдити да су реченице ове врсте атрибутске и месне истовремено можемо само условно, желећи да истакнемо нијансу месног значења; јер месне реченице не обележавају место радње зависне реченице већ главне. Нијансу месног значења немају све зависне реченице које се везују за главну са *где*, већ само оне у којима *где* чува особине упитно-односног прилога и није везник. Разлика у значењу долази услед тога да ли онај што говори жели да истакне место где се врши радња зависне реченице (у овом се случају употребљава прилог) или, пак, хоће да актуализира садржину целе зависне реченице (тад се употребљава везник).

б) Зависне реченице које се везују за главну са *како* имају начински карактер. Ову нијансу у значењу стварају такође синтаксички односи у самој зависној реченици. Ту се истиче како, на који се начин врши радња изражена предикатом зависне реченице. И ове се реченице само условно могу квалификовати као атрибутске и начинске у исто време; јер зависне начинске реченице не одређују начин вршења радње у зависној реченици него у главној (односно управној). У савременом језику нијанса начинског значења није присутна у свим зависним реченицама са *како*. Оне реченице у којима *како* врши функцију везника немају ову нијансу. И овде употреба прилога или везника условљава циљ исказивања: прилог се употребљава за истицање начина на који се врши радња у зависној реченици, док се везник искоришћује за актуализацију садржине целе зависне реченице.

4. Зависне реченице које се везују за главне везником *да*, као и оне с везницима *где* и *како*, немају нијансу прилошког значења. Такве се реченице разликују међусобно тиме, што се у онима са *где* и *како*, уз истицање самих везника, подвлачи садржина целе зависне реченице, док се у реченицама с *да* главна пажња скреће на радњу.

5. Ове реченице, управо, није целисходно убрајати ни у односне ни у исказне, јер су оне у исто време и једно и друго.

Такве зависне реченице које одређују предмет навођењем радње коју он врши у тренутку аперцепције његове од стране субјекта управне реченице представљају прелазне конструкције како у структурном,

тако и у семантичком погледу. Оне се налазе на граници исказних и односних реченица. За разлику од односних реченица, које према контексту у комуникативној функцији могу бити или детерминативне или експликативне, ове зависне реченице никад немају у свом саставу корелативну заменицу и, према томе, не могу бити детерминативне.

б. Приликом класификације сложених реченица, овакве конструкције у којима се зависне реченице одликују двостраним синтаксичким везама (а према томе имају и исказно и атрибутоко синтаксичко значење) могу се с правом издвојити у засебну врсту на основу горенаведених, само њима својствених структурних и семантичких особина.